

УДК: 72.01

ББК: 85.11

DOI: 10.18688/aa2212-07-54

С. В. Петрушихина

Понятие телесности в рецепции представителей феноменологии архитектуры

Феноменология архитектуры оставляет в стороне вопросы стиля и функциональных критериев зданий, выводя на первый план отношения между человеком, сооружением и обуславливающим их контекстом. В рамках данного теоретического направления существует ряд концепций. Под влиянием трудов М. Хайдеггера теоретик архитектуры К. Норберг-Шульц развивал концепции «экзистенциального пространства» и «гения места», Д. Веселы сформулировал тезис о «кризисе репрезентации» в русле идей Э. Гуссерля, а более молодое поколение архитекторов сконцентрировалось на вопросах восприятия зданий. Большая часть из этих концепций хорошо изучена и отрефлексирована в зарубежной литературе. Однако не менее значимой для феноменологии архитектуры проблеме телесности не было уделено должного внимания. Цель настоящей работы — выявить особенности толкования понятия телесности в работах представителей послевоенного поколения феноменологов архитектуры — А. Перес-Гомеса, Ю. Палласмаа и С. Холла.

Источниками представлений о телесности в феноменологии архитектуры выступает ряд теоретических моделей в психологии и философии. Одной из наиболее ранних из них является теория вчувствования. Данная теория предполагает, что целостное понимание архитектурного образа основано на непосредственном восприятии сооружения зрителем, который проецирует свои чувственные переживания на здание. Представление о том, что чувства и эмоции реципиента способствуют глубинному пониманию интенционального содержания сооружений, было впервые описано Ф. Т. Фишером и Т. Липпсом. Исследователь А. А. Чикин отмечает, что Т. Липпс первым предположил, что «вся апперцептивная деятельность соотносится с деятельностью телесной». Телесная деятельность не является эквивалентом деятельности тела и представляет собой «деятельность, которая осуществляется в телесном событии или переживании, то есть его ощущении или чувственном восприятии» [8, с. 33–34, цит. по *T. Lipps. Leitfanden der psychologie*, 1909, S. 26]. Под телесным событием Липпс, с точки зрения Чикина, подразумевает «совокупность кинестетических ощущений в мышцах, суставах и кожных покровах» [8, с. 34]. Переживание телесного события разворачивается одновременно с переживанием субъективности, но не приравнивается к нему: «если “я переживаю себя действующим в телесных событиях”, то “переживаю тело как непосредственный орган направленной на вещи внешнего мира деятельности”» [8, цит. по *T. Lipps. Leitfanden der psychologie*, 1909, S. 28]. Т. Фишер считал, что ощущение гармоничности облика здания

отражено в соответствии его формы телесным и чувственным установкам воспринимающего субъекта. Это означает, что здание считалось прекрасным в том случае, если его объёмно-пространственная композиция, пропорции и декоративные элементы получали в чувственно-эмоциональном фоне наблюдателя позитивный отклик. Акцент на телесной чувственности в теории Фишера указывает на кинестетическую природу процесса вчувствования: например, дуги будут казаться наблюдателю более приятными, чем зигзаги, так как их изгибы перекликаются с плавными движениями мышц. Соответственно, мышцы становятся «шестым чувством», способным воспринимать недоступные взгляду измерения архитектуры [16, р. XX]. Современный исследователь феноменологии архитектуры Х. Отеро-Пайлос отмечает, что именно благодаря смещению акцента с визуального восприятия теория вчувствования становится первой альтернативной эстетической парадигмой архитектурного мышления на рубеже XIX–XX столетий [16].

Тема телесности поднимается старшим поколением феноменологов при обсуждении вопросов восприятия зданий. Жан Лабату считал, что само здание должно направлять внимание зрителя на его собственное тело и его переживания [16, р. XXV]. В труде «Архитектура в эпоху дробной репрезентации» Далибор Веселы пишет, что тело является тем абсолютном, в соответствии с которым субъект конституирует целостный образ окружающего пространства. Эта способность является свидетельством вовлечённости тела в окружающий мир [23, р. 48]. Телесный чувственный опыт, безусловно, играет существенную роль в данном контексте, однако эта тема не является основной для Веселы и Лабату. Как правило, рассуждения о теле дополняют стержневую идею их трудов: У Веселы, например, они представлены в рамках концепции кризиса архитектурной репрезентации, а у Лабату — в системе принципов «Евхаристической архитектуры».

Однако у этих авторов есть отдельные работы, посвящённые именно телесности. Показательной в этом смысле является статья Кеннета Фремптона в сборнике «Тело и здание», посвящённая телесности в архитектуре Тадао Андо. Анализу произведений японского архитектора предшествует рассуждение о роли тела в современной теории архитектуры. Фремптон утверждает, тотальная текстуальность архитектурной теории, её отстранённость от практики и акцент на игре «означающего» и «означаемого» редуцировали значение сооружения до некой абстракции. В этой ситуации восприятие, формирующее понимание значения, сводится к дешифровке визуального «текста», закодированного в физическом облике здания. Таким образом тело оказывается задвинуто на второй план: под ним понимают лишь некий комплекс физических потребностей и нужд потенциальных пользователей. Описывая несовершенства данного подхода, Фремптон формулирует проблему: в рамках такой модели мышления тело и его опыт не участвуют в конституировании и раскрытии значения архитектуры [11, р. 304]. Совершенно иное отношение к телу демонстрируют работы Т. Андо. Телесность здесь рассматривается одновременно на нескольких уровнях: на уровне формы и объёма зданий, свойств материалов, а также в контексте мест, в которых они созданы. Внимание к этим аспектам свидетельствует о высокой значимости тела в картине мира архитектора, наряду с эмоционально-чувственным воздействием, которое здание оказывает на зрителя [11, р. 304–307].

В статье «Намёки тактильности. Отрывки фрагментарной полемики» К. Фремптон пишет, что телесная чувственность играет важную роль в формировании представлений о мире в целом и об архитектуре в частности. В данном контексте автор стремится оспорить приоритет зрения над другими чувствами и подчеркнуть роль осязания в процессе конституирования реальности. Поэтому он противопоставляет «близость» осязания «дистанции» зрения. Акцент на осязании и осуждение примата зрения над всеми остальными чувствами сближает его с концепцией телесности, используемой более молодым поколением феноменологов архитектуры [10].

Разрабатывая собственную концепцию телесности, более молодое поколение — Альберто Перес-Гомес, Юхани Палласмаа и Стивен Холл — опирается на феноменологию восприятия Мориса Мерло-Понти. В одноимённом труде французский философ фокусируется на дорефлексивной, перцептивной, пространственной и временной реальности повседневного опыта. Для Мерло-Понти тело не является нейтральной, абстрактной сущностью, случайно помещённой в трёхмерное пространство; это, скорее, аморфное, кинестетическое, перцептивное поле, существующее в настоящем. Посредством тела мы генерируем пространственно-временные отношения, и таким образом конституируем наше присутствие в мире [3, с. 277].

Такое понимание тела находит своё отражение в работе «Архитектура и кризис современной науки» А. Перес-Гомеса. С одной стороны, теоретик апеллирует здесь к идее кризиса европейских наук, изложенной Э. Гуссерлем в тексте «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология». Кризис, о котором говорит Э. Гуссерль, образовался в результате доминирования естественных наук над остальными дискурсами, особенно философским. Следствием данного кризиса стало неверное понимание места человека в мире. Чтобы преодолеть этот кризис, Э. Гуссерль предлагает реконструировать основания науки на базе феноменологии [1]. А. Перес-Гомес, вслед за Э. Гуссерлем, констатирует начало кризиса архитектуры в XIX в. Он считает, что «функционализация», постигшая архитектуру в Новое время, увела весь её дискурс в русло техники, инженерии и точных наук, обесценив сенсорные переживания и «жизненный мир» реальности. В результате этого на первый план вышли критерии экономии и эффективности, тогда как вопрос экзистенциального основания строительства и трансцендентальное измерение смысла были проигнорированы. Другим негативным последствием данного процесса стало обособление архитектуры в автономную утилитарную дисциплину, где наблюдается раскол между теорией и практикой. А. Перес-Гомес убеждён, что преодолеть его может современная феноменология. Открыв ограничения математического разума, феноменология выявила, что технологическая теория сама по себе не может решить фундаментальные проблемы архитектуры. Основанная на феноменологии современная архитектура будет стремиться отбросить позитивистские предубеждения и найти новое метафизическое обоснование миру человека. Отправной точкой здесь выступает сфера восприятия, которая является первоначальным истоком экзистенциального смысла [18].

И хотя работа А. Перес-Гомеса перекликается с гуссерлевской концепцией, его понимание телесности соотносится с идеями М. Мерло-Понти. Одной из основных проблем, которую разрабатывает в своих работах французский мыслитель, является восприятие

человеком окружающего мира. С точки зрения Мерло-Понти восприятие — это способ видеть вещи вне всякого опыта, такими, какие они есть [2, с. 12]. Под восприятием он понимает весь комплекс ощущений, получаемых телом через органы чувств. Восприятие и генерируемые им переживания относятся к дорефлексивной сфере сознания [2, с. 20]. А. Перес-Гомес также считает, что восприятие является первичной формой знания, которая существует неразрывно от априорной структуры тела и его вовлечённости в мир. Он пишет, что наше собственное тело является местом формирования всех представлений о мире. Оно не только занимает пространство, но и само наделено пространственностью и темпоральностью. Тело обладает собственным измерением. Через движение оно поляризует внешнюю реальность и становится нашим инструментом её осмысления. Его опыт, соответственно, является «гео-метрическим». Расширение данной «геометрии опыта» за пределы телесной пространственности составляет прорыв в проектировании сооружений, предлагая решения, резонирующие с самим телом. Однако архитектура на протяжении последних двухсот лет игнорирует тело как источник представлений о мире и инструмент восприятия сооружений. Теория архитектуры под влиянием позитивизма и материализма была сужена до регламентации определённых функций, элементов стиля, характера декора [18].

В более поздних работах А. Перес-Гомес обращается к платоновской концепции «хоры» — аморфной субстанции, первичной материи, связующей сферы Бытия и Становления. А. Перес-Гомес приходит к выводу, что «хора» является тем, что представляет собой истинный смысл архитектуры [9, р. 7–24]. Данная идея повторяется им в более поздней работе — в труде «Построенная на любви: архитектурные устремления за пределами этики и эстетики». В данной работе А. Перес-Гомес формулирует концепцию Эроса как мощной силы, стимулирующей архитектурное творчество и отображающей определённую модель понимания пространства, отличную от замкнутой стереометрической целостности. Телесность тесно связана с концепцией эротического пространства. А. Перес-Гомес пишет, что эротическое пространство не является априорной идеей или объективированной топологической реальностью. Оно охватывает различные характеристики сооружения: это одновременно материал и пространство здания, его фундамент и освещение, раскрытая в искусстве дистанция между словом и опытом. Эротическое пространство имеет границы, обрамляющие перформативное действие — танец, драму или ритуал. Исследователь приходит к выводу, что смысл архитектуры в первую очередь связан с телесным опытом, а значит он доступен нам непосредственно в предрефлексивной реальности [19, р. 36–37].

Понимание телесности у Ю. Палласмаа и С. Холла также базируется на феноменологии восприятия М. Мерло-Понти. О влиянии идей французского мыслителя на данных теоретиков архитектуры писали М. Невлютов [4; 5], Д. Симон [21], М. Р. Ширази [20], Б. Сировы [23] и Р. Бейтц [9].

Стоит отметить, что наиболее актуальными для С. Холла и Ю. Палласмаа становятся поздние работы Мерло-Понти. Так, формулируя концепцию телесности, Палласмаа и Холл обращаются к концепциям плоти, переплетения и обратимости.

В неоконченном труде «Видимое-невидимое» М. Мерло-Понти оспаривает приоритет зрения в процессе восприятия. Он убеждён, что, опираясь исключительно на

него, человек не сможет получить полноценного представления о мире, так как схватываемые зрением визуальные образы являются лишь «фантомами» вещей, а потому не существуют в той же мере, что и сами вещи [2, с. 15]. Видение является лишь одним из компонентов синергетического восприятия, которое осуществляется всем телом человека. Тело помещает нас вглубь явления, а также подводит к самим вещам; оно «создает гул явлений, и оно же способствует его заглушению и выбрасывает меня в полноту мира» — пишет Мерло-Понти [2, с. 16]. Однако, стоит уточнить, что само тело не воспринимает мир; оно является, скорее, «постановщиком» восприятия — тем, что его обрамляет. Философ пишет: «Нет сомнения, что воспринимает не мое тело: мне известно только, что оно может помешать моему восприятию и что я не могу воспринимать без его позволения. С первого момента восприятия тело исчезает, и восприятие никогда не схватывает воспринимающее тело» [2, с. 17]. Восприятие возникает не само по себе, а «выныривает из скрытого углубления тела» [2, с. 17–18], рождается «на пересечении Видимого и Видящего» [2, с. 224].

В главе «Переплетение-Хиазма» Мерло-Понти указывает на гаптический характер видения: рассматривая вещи, мы как бы «ощупываем» их взглядом [2, с. 192–193]. Чувственный опыт генерируется в соответствии с принципом обратимости, в соответствии с которым данные, полученные одним органом, согласуются с данными, полученными другим органом, «перекодируясь» при этом на его язык [2, с. 206]. Там же он пишет, что тело «напрямую соединяет нас с вещами посредством собственного онтогенеза, плотно соединяя между собой оба наброска, из которых оно состоит: ощущающую массу (тем, чем оно является) и массу осязаемого (в котором оно раскрывается). Тело является бытием с двумя измерениями, которое приводит нас к самим вещам» [2, с. 197]. Тело обладает двойственной природой: оно является одновременно ощущающим и ощущаемым, и вместе с тем может быть одновременно феноменальным и объективным. Тело — это одновременно и вещь среди вещей, и то, что может видеть и касаться вещей, а потому может быть как объектом, так и субъектом. Следовательно, двойственная природа тела позволяет ему участвовать в бытии вещей, а также быть одним целым со всем осязаемым [2, с. 198–200]. Таким образом Мерло-Понти пытается преодолеть дуалистические отношения между субъектом и объектом. Он нивелирует чёткую грань между воспринимающим и воспринимаемым: они соотносятся друг с другом, как примыкающие друг к другу плоти живого тела и мира [2, с. 201]. Само понятие «плоть», как отмечает М. А. Степанов, начинает активно фигурировать в поздних работах Мерло-Понти [7, с. 45].

В главе «Переплетение-Хиазма» французский феноменолог пишет, что плоти сложно дать исчерпывающее определение: она не является ни простым материальным объектом, ни абстрактным теоретическим конструктом. Плоть — это не материя, не дух и не субстанция; это элемент бытия, который примыкает к месту и существует в настоящем [2, с. 202–203]. Философ Шон Галлахер в статье «Живое тело и окружение» пишет, что плоть у Мерло-Понти является местом, где переплетаются воспринимаемое и воспринимающее: она выступает в качестве опосредующего звена между миром и его реципиентом, стирающим чёткие грани между ними [12, р. 165].

Немецкий исследователь Бернхард Вальденфельс в послесловии к работе «Видимое-Невидимое» пишет, что то значение, которое Мерло-Понти закладывает в слово

«плоть» отчасти сближается с таковым у Гуссерля, но в реальности может быть трактовано гораздо шире: в понимании французского мыслителя плоть выражает *«текстуальность и материальность тела»*, а также является анонимным [2, с. 394]. М. А. Степанов пишет, что понятие «плоть» у Мерло-Понти выходит за рамки устоявшихся пар понятий, таких, как фигура — фон, субъект — объект, внешнее — внутреннее. По мнению исследователя, плоть для Мерло-Понти — это некое «условие возможности тела», благодаря которому объясняется целостный характер восприятия мира через живое тело [7, с. 45]. Сопоставляя концепции «плоти» у Мерло-Понти и «тела без органов» Ж. Делёза, М. А. Степанов приходит к выводу, что оба они трактуют тело как телесность — безграничный «анонимный топос», недоступный для рефлексии. Тело как место или топос не является объектом, а предстаёт в качестве результата работы восприятия и воображения [7, с. 47]. Телесность постоянно ускользает от того, кто её воспринимает, её невозможно измерить, а её вид или форму нельзя точно определить. М. А. Степанов пишет, что телесность в работе «Видимое-невидимое» предстаёт как нечто, находящееся всегда между сознанием, собственным телом и Другим [7, с. 43]. Исследователь отмечает, что телесность для Мерло-Понти — это не просто затянутая кожным покровом система органов и желёз внутренней секреции, а «универсальное динамичное пространство опыта» [7, с. 49]. Телесность не приравнивается ни к телу, ни к мышлению; она существует как бы между ними в виде поля, в котором репрезентация тела и мышления становится возможной [7, с. 49–50].

Работы «Глаза кожи: архитектура и чувства» и «Архитектура семи чувств» [15, р. 23–29] Ю. Палласмаа сфокусированы на двух проблемах: подавлении зрением остальных чувств в контексте восприятия архитектуры и исчезнувшей в результате этого чувственной составляющей архитектуры. Из названия эссе следует, что одной из интенций автора было выразить важность тактильных ощущений для восприятия и понимания мира, а также концептуально объединить визуальный и тактильный опыт [17, р. 10].

В тексте «Мыслящая рука. Архитектура и экзистенциальная мудрость бытия» финский теоретик предлагает переосмыслить основания архитектурного творчества. Ю. Палласмаа пишет, что тело представляется вместилищем бытия и опыта, на котором базируется понимание мира [6, с. 12]. Телесность является важнейшим аспектом человеческой природы: во-первых, она выступает основой взаимодействия с миром, во-вторых, — во многом определяет самосознание индивида, а значит и обуславливает его существование [6, с. 13–14]. Ю. Палласмаа пишет, что органы чувств человека неосознанно структурируют отношения человека с ландшафтом. Даже несмотря на довлеющее представление о вербальном характере мышления, архитектор констатирует довлеющую роль перцептивного аппарата в приобретении жизненного опыта. Ю. Палласмаа говорит о невозможности постичь архитектуру одним только рассудком, поскольку тело субъекта также играет важную роль в самой структуре здания. Сооружения являются вместилищем воспоминаний, чувств и мыслей. Финский теоретик критически относится к доминанте визуального, примату логики и рационализма. Необходимым компонентом сооружения, которое придаёт ему особое, антропомерное измерение, является экзистенциальный опыт архитектора, вложенный им в проект. Именно он наде-

ляет архитектуру уникальной образностью и выразительностью, которую потом чувственно и телесно познаёт зритель [6, с. 131–132].

В тексте «Вопросы восприятия: феноменология архитектуры» С. Холл описывает производство архитектуры как неразрывную взаимосвязь чувственно воспринимаемых феноменов — формы, пространства, света, материала, цвета и теней. Синтезированные таким способом архитектурные пространства воспринимаются динамично, через движение по ним. Архитектор также настаивает на необходимости вдумчивой концентрации внимания на наблюдаемом архитектурном объекте, подразумевающей полное абстрагирование от обыденных мыслей и «масс-медийного шума» [15, р. 40–123].

В эссе «Переплетение» С. Холл пишет, что под влиянием масс-медиа и процессов глобализации современная архитектура перестала быть «человечной». Для того, чтобы вновь вернуть ей данное качество, необходимо добиться диалога с телом человека, активировав его чувства. Холл считает, что в основе «гуманной» архитектуры лежит комплексный подход, сочетающий использование новых технологий, пристальное внимание к актуальным социальным проблемам и психоэмоциональному аспекту её восприятия. Восприятие архитектуры не только визуально, но также тактильно и ольфакторно; все это переплетено с пространством и нашей телесной темпоральностью. С. Холл убежден, что смысл архитектуры заложен в переплетении нескольких её аспектов: места, света, материала, цвета, пространственной глубины и заложенной в неё идеи. Однако переплетение — это не просто сумма указанных выше параметров, а образовавшаяся в результате их синтеза переходная зона, в которой исчезает грань между субъектом и объектом, а наше тело в нём общается с архитектурой как «плотью мира» [13, р. 11–16]. Схожие идеи присутствуют в работе «Параллакс». С. Холл, говоря о динамичном мультисенсорном восприятии архитектуры, проводит мысль о дотеоретическом основании феноменологического понимания архитектуры. Он считает, что восприятие феноменов, т. е. ощущений пространства и времени, даёт «дотеоретическое» основание для архитектуры. В данном тексте С. Холл фокусируется на понятии горизонта, объединяющим в своём поле тело зрителя, сооружение и окружающий мир [14, р. 302].

Юхани Палласмаа обращается к работам французского мыслителя для того, чтобы найти философское обоснование критики окуляроцентризма и подтвердить телесный, мультисенсорный характер взаимодействия с архитектурой. Финский теоретик вслед за Мерло-Понти пишет, что для получения полноценных представлений о здании одного только зрения недостаточно. Зрение создаёт дистанцию между воспринимающим и воспринимаемым, визуально уплощает объёмные предметы, нивелируя их материальные и тактильные качества [15, р. 29]. Палласмаа предлагает иной модус восприятия архитектуры, в котором будут задействованы все органы чувств человека: слух, осязание, обоняние. Особый акцент на чувственном опыте является эквивалентом примитивного дотеоретического контакта с миром, о котором писал Мерло-Понти.

Эти же идеи остаются актуальными и для архитектора Стивена Холла. Он, как и его финский коллега, пишет о том, что непосредственное восприятие архитектуры открывает нам доступ ко всем его измерениям и тем самым позволяет сформировать целостный образ здания. Чувственное восприятие позволяет соизмерить масштаб сооружения с телом и обратить внимание на его пропорции. То понимание телесности,

которое мы находим в работах С. Холла, сформировалось под влиянием позднего творчества Мерло-Понти, а именно — работы «Переплетение-хиазм». Холл интегрирует в собственное творчество описанный феноменологом процесс обратимости или «хиазма» — схватывания вещей в восприятии, в котором переплетаются воспринимающий и воспринимаемое [13, p. 15].

С. Холл не только артикулирует данные идеи в теоретических работах, но и воплощает их в конкретных проектах [4]. Наиболее очевидной отсылкой к поздним работам Мерло-Понти становится здание музея Киасма в Хельсинки, в котором С. Холл соединяет между собой два массивных объёма разной конфигурации. М. Невлютов пишет: «Сама идея музея — это переплетение, пересечение (хиазм) идеи и феномена... Архитектор стремится проектировать не физическую форму, объём, пространство, но чувства, сам процесс восприятия. Так в музее воспринимающий переживает идею переплетения пространств не концептуально, но телесно» [4, с. 73].

Тем не менее, некоторые исследователи считают, что эта небольшая плеяда теоретиков архитектуры очень сильно упрощает то понимание телесности, которое встречается в работах Мерло-Понти. Приверженцем данной позиции являются установки Р. Бейтца.

В докладе Р. Бейтца «Мерло-Понти и понятие тела в феноменологии архитектуры» на конференции «Проблемы современной феноменологии» рассматривается то, как концепция телесности Мерло-Понти используется в текстах А. Перес-Гомеса и Ю. Палласмаа. Анализируя их работы, Бейтц приходит к выводу, что привлекательность трудов французского мыслителя может быть обусловлена необходимостью философского обоснования альтернативной парадигмы архитектурного творчества, учитывающей многогранность телесного опыта.

С точки зрения Бейтца, феноменология восприятия Мерло-Понти импонировала этим теоретикам архитектуры по двум причинам. Во-первых, идеи французского феноменолога предоставляют философскую легитимность их критике доминирования визуального восприятия, характерного для эпистемологии Нового и Новейшего времени. В контексте застройки это проявилось в «нигилистической архитектуре», которая, с точки зрения Ю. Палласмаа, «разобщает и изолирует тело, и вместо попытки реконструировать культурный порядок, делает чтение коллективной памяти невозможным» [17, p. 17–18]. Во-вторых, в текстах М. Мерло-Понти тело обретает особое значение для восприятия и формирования субъективного опыта. Следовательно, идеи Мерло-Понти становятся для них неким ориентиром, благодаря которому переориентация от главенства визуальной составляющей к более совершенной модели, учитывающей многогранность телесного опыта в сфере архитектуры, становится возможной [9, p. 4].

Однако, рецепция идей Мерло-Понти этими теоретиками, по мнению Бейтца, обретает фундаменталистскую окраску: Палласмаа предлагает толкование тела, которое базируется на биогенетической основе как источнике нормативного поведения, а Перес-Гомес — «бесконечной любви», лежащей в основе человеческой субъектности. «Эти формы эссенциализма — пишет Бейтц, — не просто проблематичны в своём понимании Мерло-Понти, более того, они стремятся подорвать способность феноменологии архи-

тектуры быть формой позитивных политических и социальных преобразований за счёт натурализации вредоносных (pernicious) концепций телесной нормативности» [9, р. 3].

Подводя итог сказанному, можно отметить, что современные представители феноменологического направления в теории архитектуры подчёркивают особую роль телесности в проектировании и восприятии архитектурных сооружений. Данные авторы акцентируют внимание на теле субъекта и его непосредственном чувственном опыте. Чрезвычайно важным для них является не только визуальное восприятие, но и тактильные ощущения при взаимодействии со зданиями. Философским ориентиром для феноменологов более молодого поколения, таких как А. Перес-Гомес, Ю. Палласмаа и С. Холл, становятся идеи М. Мерло-Понти. Они убеждены в том, что ощущения, получаемые телом через органы чувств, объединяются в одно целостное переживание. Качественные характеристики пространства — длина, ширина, цвет, глубина — определяются исключительно органами чувств реципиента и объединяются в его теле в целостный архитектурный образ.

Литература

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию — СПб.: Владимир Даль, 2004. — 399 с.
2. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое: включая рабочие записи. — Минск: И. Логвинов, 2006. — 400 с.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия — СПб.: Ювента; Наука, 1999. — 603 с.
4. Невлютов М. Р. Феноменологические основания архитектуры Стивена Холла // *Academia. Архитектура и строительство*. — 2015. — № 4. — С. 69–76.
5. Невлютов М. Р. Феноменологические концепции в теории архитектуры / дис. ... канд. архитектуры. — Нижний Новгород: ННГАСУ, 2021. — 170 с.
6. Палласмаа Ю. Мыслящая рука. Архитектура и экзистенциальная мудрость бытия. — М: Классика-XXI, 2013. — 176 с.
7. Степанов М. А. Образ мышления тела: к эпистемологии Дитмара Кампера: дис. ... к. ф. н. — СПб.: СПбГУ, 2010. — 153 с.
8. Чикин А. А. Проблема телесности в феноменологии: Э. Гуссерль и М. Мерло-Понти: дис. ... к. ф. н. — М: ИФ РАН, 2014. — 233 с.
9. Beitz R. Merleau-Ponty and the Constitution of the Body in Architectural Phenomenology. URL: https://www.academia.edu/31118514/Merleau_Ponty_and_the_Constitution_of_the_Body_in_Architectural_Phenomenology (дата обращения: 14.08.2021).
10. Frampton K. Intimations and Tactility Excerpts from a Fragmentary Polemic // *Artforum*. — 1981. — No. 19. URL: <https://www.artforum.com/print/198103/intimations-and-tactility-excerpts-from-a-fragmentary-polemic-38945> (дата обращения: 28.08.2020).
11. Frampton K. Corporeal Experience in the Architecture of Tadao Ando // *Body and Building: Essays on the Changing Relation of Body and Architecture*. — Cambridge, MA: The MIT Press, 2002. — P. 304–319.
12. Gallagher S. Lived Body and Environment // *Lived Body and Environment. Research in Phenomenology*. — No. 16. — 1986. — P. 139–170.
13. Holl S. *Intertwining* — New York: Princeton Architectural Press, 1996. — 172 p.
14. Holl S. *Parallax*. — Basel: Birkhäuser, 2000. — 384 p.
15. Holl S., Pallasmaa J., Perez-Gomez A. *Questions of Perception: Phenomenology of Architecture*. — San Francisco: William Stout Publishers, 2006. — 155 p.
16. Otero-Pailos J. *Architecture's Historical Turn: Phenomenology and the Rise of the Postmodern*. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010. — 356 p.
17. Pallasmaa J. *The Eyes of the Skin*. — Chichester: John Wiley & Sons, 2005. — 80 p.

18. *Perez-Gomez A.* Architecture and the Crisis of Modern Science. — Cambridge, MA: The MIT Press, 1984. — 400 p.
19. *Perez-Gomez A.* Built upon Love: Architectural Longing after Ethics and Aesthetics. — Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. — 260 p.
20. *Reza Shirazi M.* Towards an Articulated Phenomenological Interpretation of Architecture: Phenomenal Phenomenology. — London: Routledge, 2014. — 216 p.
21. *Seamon D.* Phenomenology, Place, Environment, and Architecture: A Review // Theoretical Perspectives in Environment-Behavior Research / Eds. S. Wapner, J. Demick, T. Yamamoto, H. Minami. — New York: Plenum, 2000. — P.157–178.
22. *Sirowy B.* Phenomenological Concepts in Architecture. Towards A User-Oriented Practice / Ph.D. Thesis. — Oslo, The Oslo School of Architecture and Design, 2010. — 295 p.
23. *Vesely D.* Architecture in the Age of Divided Representation. — Cambridge, MA: The MIT Press, 200. — 524 p.

Название статьи. Понятие телесности в рецепции представителей феноменологии архитектуры

Сведения об авторе. Петрушихина, Светлана Владимировна — аспирант. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, Российская Федерация, 119991; научный сотрудник. Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, ул. Пречистенка, д. 21, Москва, Российская Федерация, 119034. s.petrushikhina@gmail.com ORCID: 0000-0002-1584-8616

Аннотация. Статья посвящена осмыслению понятия телесности в рамках феноменологического направления архитектурной теории. Его последователи считают, что архитектура должна быть ориентирована на субъекта, вызывать у него эмоциональный отклик и формировать комфортную для него среду, согласующуюся с особенностями места. По этой причине феноменология архитектуры имеет дело с чувственными переживаниями образа архитектуры и утверждает необходимость непосредственного контакта человека с сооружением. Основное внимание сконцентрировано на трудах современных зарубежных теоретиков — Юхани Палласмаа, Альберто Перес-Гомеса, Стивена Холла. В статье проанализированы представления о телесности, определены её философские основания. Выявлена специфика трактовки телесности в работах современных представителей феноменологии архитектуры. Их трактовка телесности сформировалась под влиянием гештальт-психологии, теории вчувствования и феноменологической философии. Перечисленные теоретики экстраполируют идеи Мориса Мерло-Понти на сферу архитектурной теории. Они считают, что телесное восприятие «феноменов» здания (пространства, времени, свойств материалов), обеспечивает примитивное, дотеоретическое основание, необходимое для понимания архитектурной образности и значения.

Ключевые слова: телесность, феноменология архитектуры, теория архитектуры, Альберто Перес-Гомес, Юхани Палласмаа, Далибор Веселы, Кеннет Фремpton

Title. The Reception of the Concept of Embodiment in Architectural Phenomenology

Author. Petrushikhina, Svetlana V. — Ph. D. student. Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation; research fellow. The Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts, Prechistenka, 21, 119034 Moscow, Russian Federation. s.petrushikhina@gmail.com ORCID: 0000-0002-1584-8616

Abstract. This article is devoted to the question of corporeality within the phenomenology of architecture. It aims to observe how this term is represented in theoretical works by architects and theorists, such as Alberto Perez-Gomez, Juhani Pallasmaa, and Steven Holl. These theorists are concerned about the social and cultural context of architecture. Furthermore, they pointed out the importance of sensory perception as a key factor in the process of interaction between a building and its user. They believed that pure, genuine contact could only be achieved at the pre-speculative level. They argue that the body does not exist separately from the surrounding space, as well as the space is inextricably linked with its viewer. An experience received by the body through its senses turns into one holistic image. The qualitative characteristics of space — such as length, width, color, depth — are determined solely by the senses, that is, through the body. Thus, the theorists of phenomenological movement emphasize the value of embodiment both in the design and the perception of architecture.

Keywords: embodiment, architectural phenomenology, theory of architecture, Alberto Perez-Gomez, Juhani Pallasmaa, Dalibor Vesely, Kenneth Frampton

References

- Beitz R. *Merleau-Ponty and the Constitution of the Body in Architectural Phenomenology*. Available at: https://www.academia.edu/31118514/Merleau_Ponty_and_the_Constitution_of_the_Body_in_Architectural_Phenomenology (accessed 14 August 2021)
- Chikin A. A. *Problema telesnosti v fenomenologii: E. Gusserl' i M. Merlo-Ponti (The Question of Embodiment in Phenomenology: E. Husserl and M. Merleau-Ponty)*, Ph. D. Thesis. Moscow, Institute for Philosophy, Russian Academy of Science, 2014. 233 p. (in Russian).
- Dobritsyna I. A. Phenomenological Initiative in the Design Program of a Modern Architect. On the Example of the Park of Future Generations in Yakutsk. Zakharova A. V.; Maltseva S. V., Stanyukovich-Denisova E. Yu. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 12*. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2022, pp. 586–593. DOI: 10.18688/aa200-3-52 (in Russian).
- Frampton K. Intimations and Tactility Excerpts from a Fragmentary Polemic. *Artforum*, vol. 19, 1981. Available at: <https://www.artforum.com/print/198103/intimations-and-tactility-excerpts-from-a-fragmentary-polemic-38945> (accessed 28 August 2020).
- Frampton K. Corporeal Experience in the Architecture of Tadao Ando. *Body and Building: Essays on the Changing Relation of Body and Architecture*. Cambridge, MA, The MIT Press Publ., 2002, pp. 304–319.
- Gallagher S. Lived Body and Environment. *Lived Body and Environment. Research in Phenomenology*, vol. 16, 1986, pp. 139–170.
- Holl S. *Intertwining*. New York, Princeton Architectural Press Publ., 1996. 172 p.
- Holl S. *Parallax*. Basel, Birkhäuser Publ., 2000. 384 p.
- Holl S.; Pallasmaa J.; Perez-Gomez A. *Questions of Perception: Phenomenology of Architecture*. San Francisco, William Stout Publ., 2006. 155 p.
- Husserl E. *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naia fenomenologiya. Vvedenie v fenomenologicheskuiu filosofiiu (The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy)*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004. 399 p. (in Russian).
- Lakoff G.; Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York, Basic Books Publ., 1999. 640 p.
- Leach N. (ed.). *Rethinking Architecture: A Reader in Cultural Theory*. London, Routledge Publ., 1997. 432 p.
- Merleau-Ponty M. *Fenomenologiya vospriiatii (Phenomenology of Perception)*. St. Petersburg, Iuventa Publ., 1999. 603 p. (in Russian).
- Merleau-Ponty M. *Vidimoe i nevidimoe (The Visible and The Invisible)*. Minsk, Logvinov Publ., 2006. 400 p. (in Russian).
- Nesbitt K. (ed.) *Theorizing a New Agenda for Architecture: An Anthology of Architectural Theory: 1965–1995*. New York, Princeton Architectural Press Publ., 1996. 606 p.
- Nevlyutov M. R. The Phenomenological Foundation of the Steven Holl's Architecture. *Academia. Architecture and Construction*, no. 4, 2015, pp. 69–76 (in Russian).
- Nevlyutov M. R. *Fenomenologicheskie kontseptsii v teorii arhitektury (Phenomenological Concepts in Architectural Theory)*, Ph. D. Thesis. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, 2021. 170 p. (in Russian).
- Otero-Pailos J. *Architecture's Historical Turn: Phenomenology and the Rise of the Postmodern*. Minneapolis, University of Minnesota Press Publ., 2010. 356 p.
- Pallasmaa J. *The Eyes of the Skin*. Chichester, John Wiley & Sons Publ., 2005. 80 p.
- Pallasmaa J. *Mysliashchaia ruka. Arkhitektura i ekzistentsial'naia mudrost' bytiia (The Thinking Hand: Existential and Embodied Wisdom in Architecture)*. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2013. 176 p. (in Russian).
- Perez-Gomez A. *Architecture and the Crisis of Modern Science*. Cambridge, MA, The MIT Press Publ., 1984. 400 p.
- Perez-Gomez A. *Built upon Love: Architectural Longing after Ethics and Aesthetics*. Cambridge, MA, The MIT Press Publ., 2008. 260 p.
- Podoroga V. A. *Fenomenologiya tela. Vvedenie v filosofskuiu antropologiiu (Phenomenology of Body: An Introduction to Philosophical Anthropology)*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1995. 340 p. (in Russian).
- Reza Shirazi M. *Towards an Articulated Phenomenological Interpretation of Architecture: Phenomenal Phenomenology*. London, Routledge Publ., 2014. 216 p.

Seamon D. Phenomenology, Place, Environment, and Architecture: A Review. Wapner S.; Demick J.; Yamamoto T.; Minami H. (eds.). *Theoretical Perspectives in Environment-Behavior Research*. New York, Plenum Publ., 2000, pp. 157–178.

Sirowy B. *Phenomenological Concepts in Architecture. Towards a User-oriented Practice*, Ph. D. Thesis. Oslo, The Oslo School of Architecture and Design Publ., 2010. 295 p.

Stepanov M. A. *Obraz myshleniia tela: k epistemologii Ditmara Kampera (The Mindset of the Body: Toward the Epistemology of Dietmar Kamper)*, Ph. D. Thesis. St. Petersburg, Saint Petersburg State University, 2010. 153 p. (in Russian).

Tourek J. Notes on Early Architectural Phenomenology of Christian Norberg-Schulz. Zakharova A. V.; Maltseva S. V., Stanyukovich-Denisova E. Yu. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 6*. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2016, pp. 751–754. <https://doi.org/10.18688/aa166-10-82> (accessed 27.08.2022)

Tourek J. Phenomenological Theory and a New Look at Continuity in Architecture. Maltseva S. V., Stanyukovich-Denisova E. Yu.; Zakharova A. V. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles, vol. 7*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press Publ., 2017, pp. 620–625. <https://doi.org/10.18688/aa177-7-63> (accessed 27.08.2022)

Vesely D. *Architecture in the Age of Divided Representation*. Cambridge, MA, The MIT Press Publ., 2005. 524 p.